

Л. УЛИЦКАЯ В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ: ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ, АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Чжао Сюе

Ключевые слова: рецепция, интерпретация, китайская русистика, Улицкая.

Keywords: reception, interpretation, Chinese Russian studies, Ulitskaya.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-14

Людмила Улицкая на сегодняшний день – самая популярная современная русская писательница в Китае. Большинство ее повестей и романов (за исключением сборников рассказов) были переведены на китайский язык. Первый перевод был осуществлен в 1997 году Ли Инанем, профессором Пекинского университета иностранных языков (повесть «Сонечка»). В 2000-е годы переводились романы «Медя и ее дети» (пер. Ли Инань и Инь Чэн, 1999), «Казус Кукоцкого» (пер. Чэнь Фан, 2003), «Искренне ваш Шурик» (пер. Жэнь Хэ, 2005), рассказы «Приставная лестница» и «Старший сын» (пер. Чжан Цзюньсян, 2006). В настоящее время профессор Пекинского университета Жэнь Гуансюань готовит к изданию перевод романа Л. Улицкой «Лестница Якова». Публикации переводов, как видим, появляются практически сразу после появления произведений писательницы в России. Это подтверждает интерес китайской читательской аудитории к творчеству Л. Улицкой. Но каковы причины такого интереса? Ответу на этот вопрос посвящена данная статья. Наша цель – исследовать рецепцию творчества Л. Улицкой в профессиональной читательской среде Китая (в китайском литературоведении).

Произведения Л. Улицкой активно исследуются китайскими русистами-литературоведами, более активно, чем творчество других представительниц «женской» прозы. Одна из значимых монографий на сегодняшний день – исследование Сунь Чао «Тематика и поэтика творчества Л. Улицкой в контексте современной русской литературы» (2012). Это первая монография китайского автора, посвященная творчеству писательницы. Главная идея в ней – преемственность прозы автора и русской классики. Сунь Чао вводит в китайское литературоведение ряд исследований русских ученых о женской прозе и прозе Улицкой в частности. В 2007 году была издана монография Чэнь Фан «Современная русская женская проза». Исследовательница

изучает тематику, типологию женских образов, стилистические особенности «женской» прозы. Отдельные главы книги посвящены Л. Улицкой. Новейшее китайское исследование – монография Го Цзин «Изучение произведений Л. Улицкой в контексте стилистики художественной литературы» (2017), в ней изучается стиль, повествовательная стратегия писательницы.

Какие актуальные смыслы вычитывают китайские литературоведы в произведениях писательницы? Как они оценивают героев, проблематику текстов, авторские идеи? Ответить на эти вопросы возможно при обращении к методологической парадигме изучения рецепции инокультурной литературы: сравнительному литературоведению, теории коммуникации, герменевтике и рецептивной эстетике. Мы разделяем мысль рецептивистов о том, что художественное произведение «возникает» в момент «встречи» с читателем, что этот процесс зависит от «горизонта ожидания» реципиента. Этот подход позволяет увидеть текст как систему потенциальных смыслов. Восприятие текста, созданного в рамках другой культуры, во многом определяется рецептивной ситуацией. Рецептивная ситуация – культурный контекст рецепции, который герменевты включают в пред-структуру понимания. Она направляет процесс означивания (интерпретации и оценки) текста. Важным для нас является утверждение, что рецепция инокультурного текста – это всегда процесс, связанный с самопониманием.

Интерес китайского читателя к прозе Л. Улицкой объясняется, в первую очередь, ценностной близостью ее книг. В творчестве писательницы ученые обнаруживают «положительную энергию»¹, которая проявляется в устремленности героев к гармонии и любви, в воспевании любви и гармонии как ведущей авторской эмоции. «Положительная энергия» произведений «Сонечка», «Медя и ее дети» и «Веселые похороны», по мнению Дуань Лицзюнь, проявляется в надежде на то, что именно семья может сохранить душевную красоту в хаотичном современном обществе [段丽君, 2001, с. 94].

Вторую причину интереса китайского читателя к Улицкой следует искать в социокультурной ситуации «мягкого» феминизма (см. об этом: [Чжао, 2018]). Русисты замечают в произведениях писательницы «мягкую» повествовательную стратегию (Чжан Цзяньхуа: «Улицкая всегда изображает жизнь обычных женщин мягко и нежно» [张建华, 2006, с. 54]); интерес к персонажам-мужчинам (Ян

---

¹ «Положительная энергия» – выражение из китайской Интернет-лексики. Оно означает устремленность вперед, здоровый оптимизм, активную жизненную позицию.

Хуай считает, что «в большинстве современных русских женских текстов мужчины отсутствуют, а Улицкая не занимает такую крайнюю позицию» [杨慧, 2014, с. 85]); стремление уйти от жесткой оппозиции мужское-женское.

Проза Л. Улицкой близка китайскому читателю также потому, что она сохраняет преемственность русской литературной классике. Так, русисты отмечают «двойственность» женских образов Улицкой, соединяющих традиционные черты и современные: традиционную добродетель и самостоятельность [殷桂香, 2003, с. 104]. Чжан Цзяньхуа высказывает мнение, что, «освобождаясь от традиционного мужского ракурса мировидения, Улицкая в романе “Медея и ее дети” утверждает значимость исторического предназначения женщин в аспекте продолжения жизни, спасения рода и преемственности национальной культуры» [张建华, 2006, с. 57].

Анализ исследований китайских русистов позволил выделить несколько аспектов изучения прозы Улицкой в Китае.

Тематика произведений Л. Улицкой

Исследование прозы Л. Улицкой в Китае началось с проблемно-тематического освоения произведений (выделяются сквозные темы и проблемы, осуществляются попытки объединить произведения в тематические группы).

Вслед за русскими литературоведами и критиками китайские ученые называют тему семьи и дома главной в творчестве автора (см. об этом: [Говорухина, 2010]). Чэнь Фан в статье «Семейный центризм в романах Л. Улицкой» полагает, что семья является не только центральной темой почти всех произведений писательницы, но и поводом обращения к проблеме взаимоотношений человека в семье, проблеме чувства и долга, традиции и современности [陈方, 2018, с. 144].

Интерес китайского литературоведения к теме семьи не случаен. Русисты вычитали посыл Улицкой современному обществу: семья – это главное условие развития общества. Они заметили в «Сонечке» и «Медее и ее детях» видимый «терапевтический» эффект. Так, Гао Айин в диссертации «Воспеть любовь и жизнь: анализ специфики творчества Л. Улицкой» пишет о том, что в ситуации «конца времен», бурления русского общества созданный Улицкой образ идеального семейного очага дал русскому обществу духовное утешение, ориентир в виде семейной ответственности и морали [高爱英, 2009, с. 4]. Тексты Улицкой становятся для китайских исследователей поводом высказаться о ценности семьи. Так, Сунь Чао, говоря о связи таких

понятий, как семья, национальная культура и историческая традиция, замечает, что в современной социальной ситуации политизированности семья является единственным местом сохранения бывшей культуры [孙超, 2012, с. 99].

Китайские ученые осуществили типологизацию образа семьи в творчестве Улицкой. Чэнь Фан выделяет следующие типы: 1) семья, основанная на чувстве ответственности (Елена и Кукоцкий в романе «Казус Кукоцкого», Медя и Самуил в «Медее и ее детях»), 2) семья, основанная на интересах каждого (брак Сандры в «Медее и ее детях», Тома и ее муж в романе «Казус Кукоцкого»), 3) семья как дружеский союз (Маша и Олег в «Медее и ее детях», Нора и Витя в романе «Лестница Якова»), 4) идеальная семья (главный герой и его жена в романе «Лестница Якова») [陈方, 2018, с. 147].

Другая тема, которую вычлениают китайские ученые в творчестве Улицкой, – экзистенциальная. По мнению Линь Тин, герои писательницы переживают исключительные пограничные жизненные ситуации («Народ избранный», «Счастливые»). Так, в «Дочери Бухары» писательница художественно доказывает, что смерть демонстрирует ограниченность жизни, но внутренняя красота, внутреннее богатство жизни могут быть бесконечными [林婷, 2014].

Еще одна тема в прозе Л. Улицкой – морально-нравственная. По мнению Тянь Юйдун, авторская позиция такова: нравственная зрелость – самое важное качество человека. На примере романа «Зеленый Шатер» исследователь показывает, что, описывая человека без нравственности, писательница намекает на современных русских. Разрушение традиционной культуры и вакуум веры привел к исчезновению духовного пристанища для человека [田雨冬, 2016, с. 28].

Персонажная сфера

Типология героев Л. Улицкой, которую описывают китайские русисты, совпадает с русской классификацией: образы женщин, мужчин с ослабленным гендерным статусом, интеллигентов. Внимание китайских ученых в большей степени приковано к женским персонажам.

Русист Ван Вэй в диссертации «Анализ и систематизация персонажей в романе “Казус Кукоцкого”» предлагает следующую типологию женских образов в произведениях Улицкой.

1) Святые: Медя («Медя и ее дети»), Сонечка («Сонечка»), Бухара («Дочь Бухары»).

2) Промежуточный тип, который объединяет черты традиционной женщины и «новой», стремящейся к освобождению, но несвободной от стереотипов. Это Елена («Казус Кукоцкого»), Маша («Медея и ее дети»).

3) «Новая» женщина, стремящаяся вопреки всему к мечте и свободе: Таня («Казус Кукоцкого»), Яся («Сонечка»).

4) Героини-носительницы ценностей русской традиционной культуры: Василиса («Казус Кукоцкого»), Паша («Дочь Бухары») [王巍, 2013].

Главное внимание китайских ученых сосредоточено на первом типе. Сравнение работ исследователей позволило воссоздать характерологический портрет этого типа в представлении китайского читателя. «Святая» обладает традиционной высокой добродетелью и самостоятельностью мышления (последнее проявляется не в слепом принятии религиозных принципов или государственной пропаганды, а в стремлении к самостоятельной оценке) [徐珊珊, 2008, с. 26]. Духовная и телесная свобода представительниц этого типа восходит к архетипу мифической Медеи, которая «спокойствием, гармонией и любовью победила шум и хаос мира, а дионисийским духом сохранила и приумножила телесную и духовную свободу» [张建华, 2006, с. 57]. Ян Хуай задается вопросом о пределах терпения и снисходительности: не может ли привести крайняя степень терпения «святой» к равнодушию и принятию аморальных поступков? «Медея Улицкой – как Богородица, она освободилась от ревности, гнева и ненависти. Однако все эти эмоции присущи человеческой природе, являются самыми настоящими проявлениями существования; Медея же избегает человеческих естественных эмоций». Вот почему образ Медеи, по мнению Ян Хуай, является эфемерным [杨慧, 2014, с. 87]. Вопрос, которым задается Ян Хуай, не случаен, он иллюстрирует специфику китайской интерпретации и оценки и рецептивную установку на избегание крайностей (святость осмысливается как вариант позитивной крайности).

Исследуя женские типажи, китайские ученые обращаются к понятию «маленький человек», уточняют содержание образа и акцентируют при этом связь текстов Улицкой с русской литературной традицией. Дуань Лицзюнь в статье «Чистый и святой “маленький человек”»: особенности творчества Л. Улицкой» замечает, что герои Улицкой живут в советское время, однако не являются активными в социальном плане (не похожи на героев советской официальной литературы). Они – «маленькие» люди: либо инвалиды (Дина в

рассказе «Народ избранный», Мила в «Дочь Бухары»), либо неудачники (Ася в рассказе «Бедные родственники», Сонечка в повести «Сонечка»), либо люди, которые не вписываются в свое время (Медея, Алик) [段丽君, 2001, с. 92]. Дуань Лицзюнь называет «маленького» человека в произведениях Улицкой современным вариантом классического образа. «Маленькие» люди Улицкой наивные и чистые, это часто обычные женщины, не получившие высшего образования (Сонечка, Медея, Бронька), некрасивые, с невысоким социальным статусом, со сложными жизненными обстоятельствами (Сонечка и Медея пережили измены мужей, у Броньки четыре ребенка). Однако эти обстоятельства в текстах Улицкой обнажают чистоту «маленьких людей», проявляют их душевную свободу [段丽君, 2001, с. 92].

Русские и китайские оценки образа «маленького человека» в прозе Улицкой разнятся. Так, Т. Скокова считает, что «если у классика с мотивом прозрения и “ухода”, попыткой противостоять окружающему миру были связаны светлые надежды на счастливые будущее, то у Улицкой, наоборот, этот мотив пронизан постмодернистской чувствительностью и пессимистическим взглядом на человека и жизнь» [Скокова, 2010, с. 78–79]. Китайские ученые называют оптимизм доминирующей авторской эмоцией в творчестве Улицкой. Сунь Чао считает, что «если постмодернисты – хладнокровные летописцы, то Л. Улицкая в глубине души – жизнерадостный наблюдатель. В творчестве писательницы мы можем ощутить пафос восхищения своими героями, жизнью, вещами, всем, что нас окружает» [Сунь, 2006]. Ван Вэй связывает надежду с ее «маленьким человеком»: «Улицкая показывает нам женщин, которые даже в трудных ситуациях сильны духом свободы, мечтой и верой» [王巍, 2013, с. 19]. Сюй Шаньшань уверен: «В современной русской женской литературе в результате чрезмерного внимания к статусу женщин возникает много оппозиционных нетрадиционных образов (демонов, а не ангелов). Но образы женщин у Улицкой не такие, они результат не деконструкции, а реконструкции» [徐珊珊, 2008, с. 27].

Особенности поэтики произведений Л. Улицкой

Исследуя вопросы поэтики творчества Л. Улицкой, русисты отдельно выделяют концепцию времени, осмысливают художественный факт ослабления функции времени, его непрямого выражения. Время в произведениях Улицкой, по мнению ученых, призвано подчеркнуть трагичность, нестабильность и абсурдность социальных процессов [孙超, 2012, с. 208]. Другая характеристика –

хроникальность – позволяет писательнице показать жизнь нескольких поколений. Так, в романе «Лестница Якова» русская история с конца XIX века до начала XXI века, изображенная через поколения семьи, – это история страданий и мучений целой нации [任光宣, 2006, с. 55].

Художественное пространство – еще один объект осмысления китайских ученых. Сунь Чао замечает следующие особенности прозы Улицкой: многие события начинаются в закрытом, изолированном пространстве (московский убогий дворик, коммуналка) [孙超, 2012, с. 212]. Ограниченное и неустроенное пространство обостряет противоречия между людьми [林婷, 2014, с. 43] и одновременно «делает более объемными характеры героев, которые с достоинством преодолевают жизненные трудности» [孙超, 2012, с. 213].

Русист Го Цзин исследует сюжетные стратегии в прозе Л. Улицкой и феномен случайности. Ученый считает, что в большинстве рассказов Улицкая описывает жизнь обыкновенную, стабильную, которая взрывается моментом неожиданности, случайности. Это, своего рода, модель жизни, стабильность которой весьма относительна. Улицкая также умело использует прием монтажа, монтируя и организуя сюжет так, чтобы разбить устойчивые пространственно-временные законы и рамки. Таким образом, эстетическая техника разрушает горизонт ожидания читателей и позволяет выстроить относительную картину мира [国晶, 2017, с. 49].

В последнее десятилетие увеличилось количество исследований, в которых китайские ученые изучают творчество Л. Улицкой в лингвистическом аспекте. Так, Го Цзин приходит к выводу, что доминанта языка писательницы – краткость, простота, сдержанность и деликатность [国晶, 2017, с. 128].

Итак, исследование рецепции творчества Улицкой в Китае позволяет реконструировать следующие ориентиры китайских читателей, которые определяют сегодня процесс интерпретации и оценки: поиск преемственности текстов Улицкой с традицией, ценность «положительной энергии» текста, стремление к семейной гармонии, озабоченность проблемой социального дна, смягченные феминистские установки.

Литература

Говорухина Ю.А. Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков: автореферат дис. ... д-ра филологич. наук. Томск, 2010.

Скокова Т.А. Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Сунь Чао Средства создания характера в рассказах Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Чжао Сюе Рецепция современной русской литературы в китайском литературоведении: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018.

王巍. «库科茨基医生的病案»人物形象体系研究: 硕士论文. 哈尔滨, 2013.

高爱英. 对生命与爱的歌唱 — 浅析柳·乌利茨卡娅的创作特色: 硕士论文. 长春, 2009.

国晶. 文学修辞学视角下的柳·乌利茨卡娅作品研究. 北京, 2017.

段丽君. 纯洁而崇高的“小人物” — 试论俄罗斯当代女作家柳·乌利茨卡娅的创作特色 // 当代外国文学. 2001. № 4.

任光宣. 战胜对遗忘的恐惧 — 俄罗斯作家乌利茨卡娅新作《雅科夫的梯子》评析 // 外国文学动态研究. 2006. № 1.

殷桂香. 转型时期俄罗斯文学发展面面观 // 复旦大学学报. 2003. № 2.

林婷. 乌利茨卡娅小说创作中的存在主义主题: 硕士论文. 哈尔滨, 2014.

孙超. 当代俄罗斯文学视野下的乌利茨卡娅小说创作: 主题与诗学. 北京, 2012.

徐珊珊. «美狄亚和她的孩子们»中美狄亚形象的解读: 硕士论文. 长春, 2008.

田雨冬. 乌利茨卡娅长篇小说《绿帐》创作研究: 硕士论文. 哈尔滨, 2016.

张建华. 俄罗斯民族历史的文化寻母 — 乌利茨卡娅长篇小说《美狄亚与她的孩子们》中的女性话语 // 外国文学. 2006. № 5.

陈方. 乌利茨卡娅长篇小说中的“家庭中心论” // 外国文学研究. 2018. № 3.

陈方. 当代俄罗斯女性小说研究. 北京, 2007.

杨慧. “后现代的圣母”: 柳德米拉·乌利茨卡娅的“美狄亚” // 青海师范大学学报. 2014. № 3.

References

Govorukhina Yu.A. *Russkaya literaturnaya kritika na rubezhe XX-XXI vekov* [Russian literary criticism at the turn of the XX-XXI centuries]. Abstract of Philol. Doctoral Diss. Tomsk, 2010.

Skokova T.A. *Proza Lyudmily Ulitskoj v kontekste russkogo postmodernizma* [Prose of Lyudmila Ulitskaya in the context of Russian postmodernism]. Cand. of Philol. Diss. Moscow, 2010.

Sun Chao. *Sredstva sozdaniya kharaktera v rasskazakh L. Ulitskoj* [Means of character creation in the stories of L. Ulitskaya]. Cand. Of Philol. Diss. Moscow, 2006.

Zhao Xue. *Retseptsiya sovremennoj russkoj literatury v kitayskom literaturovedenii* [The reception of modern Russian literature in Chinese literary study]. Cand. of Philol. Diss. Tomsk, 2018.

Wang Wei *Analiz i sistematizacija personazhej v romane «Kazus Kukockogo»* [Study on the System of Character Image in «Dr. Kukotsky's Case»]. Magist. diss. Harbin, 2013.

Gao Aiyong *Vospet' ljubov' i zhizn': analiz specifiky tvorcestva L. Ulitskoj* [Singing of Life and Love: Analysis of L. Ulitskaya's Creative Characteristics]. Magist. diss. Changchun, 2009.

Guo Jing *Izuchenie proizvedenij L. Ulitskoj v kontekste stilistiki hudozhestvennoj literatury* [A Study of L. Ulitskaya's Works from the Perspective of Literary Rhetoric]. Beijing, 2017.

Duan Lijun *Chistyj i svjatoj «malen'kij chelovek», osobennosti tvorcestva L. Ulitskoj* [Pure and Lofty «Nobody»: Creative Characteristics of L. Ulitskaya]. *Sovremennaja zarubezhnaja literatura* [Contemporary Foreign Literature]. 2001. № 4.

Ren Guangxuan *Recenzija na roman «Lestnica Jakova» L. Ulickoj* [Comments on Russian Writer Ulitskaya's New Works «The Ladder of Yakov»]. *Dinamika zarubezhnoj literatury* [A Dynamic Study of Foreign Literature]. 2006. № 1.

Yin Guixiang *Vse aspekty razvitiya russkoj literatury v period perestrojki* [Development View of Russian Literature in the Transitional Period]. *Vestnik Fudan'skogo universiteta* [Journal of Fudan University]. 2003. № 2.

Lin Ting *Jekzistencial'naja tematika v proze Ulickoj* [Existentialism Theme in Ulitskaya's Novels]. Magist. diss. Harbin, 2014.

Sun Chao *Tematika i pojetika tvorcestva L. Ulickoj v kontekste sovremennoj russkoj literatury* [Ulitskaya's Novels from the Perspective of Contemporary Russian Literature: Theme and Poetics]. Beijing, 2012.

Xu Shanshan *Analiz obraza Medei v romane «Medeja i ee deti»* [Interpretation of Medea in «Medea and Her Children»]. Magist. diss. Changchun, 2008.

Tian Yudong *Izuchenie romana «Zelenyj shater» L. Ulickoj* [Study on the Creation of Ulitskaya's Novel «The Big Green Tent»]. Magist. diss. Harbin, 2016.

Zhang Jianhua *Zhenskij diskurs v romane «Medeja i ee deti» L. Ulickoj* [Cultural Mother Seeking in Russian National History: Female Discourse in Ulitskaya's Novel «Medea and Her Children»]. *Zarubezhnaja literatura* [Foreign Literature]. 2006. № 5.

Chen Fang *Semejnij centrizm v romanah L. Ulickoj* [«Family-centered Theory» in Ulitskaya's Novels]. *Issledovanie zarubezhnoj literatury* [A Study of Foreign Literature]. 2018. № 3.

Chen Fang *Sovremennaja russkaja zhenskaja proza* [A Study of Contemporary Russian Female Novels]. Beijing, 2007.

Yang Hui *«Postmodernistskaja Bogorodica»: Medeja L. Ulickoj* [«The Virgin Mary of Postmodernism»: Lyudmila Ulitskaya's Medea]. *Vestnik Chinhajskogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Qinghai Normal University]. 2014. № 3.

В ПОИСКАХ «ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ»: ГЕРОИ ГИШ ДЖЕН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГИБРИДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Е.М. Каравеева

Ключевые слова: Гиш Джен, гибридное поколение, текучая идентичность.

Keywords: Gish Jen, hybrid generation, fluid identity.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-15

Китайско-американская литература последней трети XX века подарила современному читателю немало талантливых имен, среди которых Гиш Джен занимает особое место. Она постоянно экспериментирует с неудобными и даже «опасными» темами, считая их обсуждение «неотъемлемой частью писательского труда» (Jen, 1993,